

А. И. КЛИБАНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИИ И ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МАКСИМА ГРЕКА

I

Ниже публикуются два неизданных сочинения Максима Грека и тексты шести писем Михаила Триволиса, ученого, переводчика и копииста, сотрудничавшего на рубеже XV и XVI вв. с видными итальянскими гуманистами (Альдом Мануцием, Пико делла Мирандола-племянником и др.). Письма эти характеризуют интересы их автора, его взаимоотношения как с упомянутыми прославленными деятелями итальянского гуманизма, так и с его рядовыми сотрудниками.

Эти письма были опубликованы в обширном труде Ильи Денисова «Максим Грек и Запад», вышедшем в 1943 г.¹ в трудах университета в Лувене.

Источниковедческое значение труда И. Денисова велико. В результате долгой и терпеливой работы над памятниками в рукописных собраниях Парижа, Ватикана, Афона и других автор установил гражданское имя знаменитого русского религиозно-общественного деятеля первой половины XVI в., вошедшего в историю под монашеским именем Максима (Грека). Максим Грек оказался Михаилом Триволисом, представителем известного и просвещенного византийского рода Триволисов, состоявших в свое время в дружеских отношениях с императорским домом Палеологов.

Установление гражданского имени Максима Грека позволило И. Денисову обнаружить и ввести в научный оборот ряд документов, характеризующих домосковскую жизнь Максима Грека. Это памятники, принадлежащие перу Михаила Триволиса, а также памятники, содержащие те или иные упоминания о Михаиле Триволисе.

Приводим их перечень:

1. Копия (начала XVII в.) протокола выборов в Большой Совет острова Корфу, происходивших в 1490—1491 гг., где баллотировался (но не был избран) Михаил Триволис.

2. Текст «Geoponicorum libri XX», скопированный Михаилом Триволисом для гуманиста Иоанна Ласкариса.

3. Четыре письма Михаила Триволиса, написанные из Мирандолы.

4. Письмо итальянского ученого Урчео Кодро от 15 апреля 1498 г., содержащее упоминание о Михаиле Триволисе.

5. Письмо Пико делла Мирандола-племянника с упоминанием о Михаиле Триволисе.

¹ Élie Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris, 1943.

6. Хроника монастыря св. Марка во Флоренции, содержащая запись о пострижении Михаила Триволиса в 1502 г.*

7. Два письма Михаила Триволиса, написанные из Флоренции.

8. Эпитафия Иоахиму I, патриарху Константинопольскому, написанная Максимом (Михаилом) Триволисом.

9. Эпиграмма, посвященная афонским монахом Максимом (Триволисом) Великому Ритору Мануилу.

10. Три эпитафии Нифонту II, константинопольскому патриарху, написанные Максимом Триволисом.

11. Канон Иоанну Крестителю, написанный Максимом Триволисом.

Книга И. Денисова состоит из следующих частей и глав: первая часть, которой предшествует небольшое введение, знакомит нас с ходом и итогами работ автора по установлению гражданского имени Максима Грека. Первая глава этой части посвящена истории вопроса о Максиме Греке, вторая содержит критический разбор русских источников о Максиме Греке. Третья глава отведена исследованию западных и афонских источников, послуживших автору материалом для его новых выводов и характеристик. В четвертой, заключительной, главе первой части рассматриваются в совокупности русские и привлекаемые автором западные и афонские источники и устанавливается тождество Максима Грека с Михаилом Триволисом.

За первой, источниковедческой, частью следует вторая, биографическая, посвященная молодости и зрелым годам Михаила Триволиса, будущего Максима Грека. Она состоит из глав: «Происхождение и первая молодость», «В школе гуманистов», «На службе гуманизма», «Доминиканец монастыря святого Марка», «Монах Афонской горы», «Греческий миссионер». Автор заканчивает свой труд разделом, подводящим общие итоги его исследования. В приложении — документы.

Книга интересна по методу источниковедческой работы и по новизне привлекаемых материалов.

При всем этом бесспорное значение представляет только источниковедческая часть работы И. Денисова. Что же касается его опыта реконструкции домосковского периода жизни Максима Грека, то основные характеристики, сделанные автором, вызывают принципиальные возражения, о которых ниже. Многие конкретные построения И. Денисова гипотетичны, и дар литератора не раз берет в его книге верх над требовательностью исследователя-историка.

И. Денисов исходит из устанавливаемого русскими источниками факта, что Максим Грек родился в городе Арта и что имя его отца было Мануил. С этим фактом он сопоставляет следующую запись, находящуюся в одном из манускриптов библиотеки монастыря св. Марка во Флоренции: «Брат Михаил, сын Эммануила из города Арта, что прежде носил то же имя в миру, был пострижен в монахи почтенным братом Матиасом Марчи (Matthieu Marci) в четырнадцатый день июня приблизительно в первом часу ночи в год господень 1502».

В двух письмах, написанных из Флоренции к Сципиону Картеромахосу (от 21 и 24 апреля 1504 г. — См. приложение), Михаил Триволис сообщает, что он «отказался от монашеской жизни», подтверждая тем самым факт своего пребывания в монастыре.

Таким образом, место рождения Максима Грека и имя его отца совпадает с местом рождения и именем отца Михаила Триволиса. Заслуживает всяческого внимания и тот факт, что в русских сочинениях Максима Грека

* Об этом памятнике см. в обзоре трудов И. Денисова, сделанном С. Каштановым, стр. 289 настоящего тома.

содержится описание монастыря св. Марка и подробное описание монастырского образа жизни доминиканцев.

Далее И. Денисов приводит свидетельство Курбского, современника Максима Грека, о том, что последний был учеником гуманиста Иоанна Ласкариса. В собраниях Парижской национальной библиотеки И. Денисов обнаружил копию греческой рукописи «Геопоники», написанную рукой Михаила Триволиса, с надписью следующего содержания: «В дважды десять и еще дважды четыре дня я, Михаил, написал эту работу для Ласкариса».

Согласно свидетельствам самого Максима Грека, его пребывание в Афонском монастыре продолжалось приблизительно десять лет, с 1505—1506 по 1516 г. Точно к этому времени относятся обнаруженные И. Денисовым стихи афонского монастырского поэта Максима Триволиса: эпитафия патриарху Иоахиму (умер в 1505 г.), эпитаграмма на Мануила из Коринфа, написанная после 1505 г., эпитафия патриарху Нифонту II (умер в 1508 г.) и еще два литературных наброска, относящихся к 1514—1515 гг. «Михаил Триволис, — пишет И. Денисов, — исчезает с тех пор, когда монах Максим Триволис появляется на Афоне. Этот последний в свой черед исчезает, когда в Московии появляется Максим Грек»².

Суммируя данные западных и афонских источников, относящихся к Михаилу-Максиму Триволису, и сопоставляя их с данными о домосковском периоде жизни Максима Грека по русским источникам, И. Денисов устанавливает тождество монаха Максима Грека с Михаилом Триволисом.

Наглядным подтверждением этого вывода является следующая составленная И. Денисовым таблица³.

*Сравнительная таблица биографических данных о Максime Греке—
Михаиле Триволисе*

Максим Грек
(Русские источники)

Михаил Триволис
(Западные и афонские источники)

1. Происхождение и юные годы
(1470—1491)

Грек из почтенной семьи, неизвестной по имени	Грек из почтенной семьи Триволисов
Родился около 1470—1480 гг. в Арте (Эпир)	Родился около 1470 г. в Арте (Эпир)
От Мануила и Ирины	От отца Эммануила
Крещен именем, начинающимся на «М»	Назван «Михаилом»
Первое воспитание в греческой земле	Юность на Корфу
. . . . .	Кандидат на выборах в Корфу в 1490 или 1491 г.

² И. Денисов. Ук. соч., стр. 104.

³ Там же, стр. 105—107. Свой вывод И. Денисов подкрепляет также рядом литературных сближений между сочинениями Максима Грека и сочинениями Михаила Триволиса, а также палеографическими сопоставлениями между надписью Михаила Триволиса на копии «Геопоники», его письмами к Картеромахосу и тверской псалтырью Максима Грека. Сходство буквенных начертаний очень велико.

Пребывание в Италии
(1492—1495)

Во Флоренции знаком с Анджело Полициано (умер в 1494 г.), присутствует на проповеди Савонаролы (между 1493 и 1498 гг.), занимается у Иоанна Ласкариса (до 1496 г.)

Переписывает рукопись для Ласкариса (до 1498 г.).

1496—1501 годы

.....

В Болонье знаком с Урчео Кодро (около 1496—1497 гг.)

В Венеции

Постоянно связан с Альдом Мануцием (до 1502 г.)

В Венеции

Работает у Альда Мануция в 1498 г., заказывает ему книги в 1500 г., в 1504 г. предложил ему свои услуги; тесно связан с окружением Альда, в том числе с Иоанном Григоропулом.

В Падуе

Знает Августа Нифо де Сесса (преподаватель с 1492 по 1498 г.)

В Падуе

Знает Пауло де Канальо (видится с ним в 1500 г.)

В Милане

Знает о пышности двора Людовика де Мора (до 1499 г.)

В Верчелли

.....

В 1497 г. знает каноника Николая Тарского и князя Лодовико Тиццони, графа Дечианского

В Мирандоле

.....
.....
.....
.....

В 1498 г. служит у Джованни-Франческо Пико дела Мирандола

На Корфу в 1499 г.
В Мирандоле

Сообщает о франко-миланской войне (1499—1500)

Связан с событиями франко-миланской войны

В Мирандоле
Недалеко от Феррары

Знает Николо Лелио Козмико из Феррары (умер в 1500 г.)

Рассказывает о латинских переводах греческих отцов церкви, рассказывает восхищение Савонаролой

Работает над латинскими переводами греческих отцов церкви в Мيرانдоле, центре деятельности Савонаролы.

Религиозное обращение (после 1500 г.)

Знает Зиновия Аккъяччуоли, библиотекаря св. Марка во Флоренции
Религиозное обращение (после 1500 г.)

1502—1504 гг.

Подробно описывает образ жизни доминиканцев

Во Флоренции
Постригся в монахи в доминиканском монастыре св. Марка 14 июня 1502 г.

Уходит из монастыря в 1504 г.
Связан с монахом Пьером Кандидом, камальдульцем

Переписывается со Сципионом Картероммахосом

Жизнь на Афоне (1505—1516)

Становится монахом Ватопедского монастыря на Афоне под именем Максима (около 1505—1506 гг.)

Становится монахом на Афоне под именем Максима

Сочиняет эпитафию патриарху Константинопольскому Иоахиму I (умер в 1505 г.)

Сочиняет эпиграмму Великому Ритору Мануилу (после 1505 г.)

Пишет (в Москве) о св. Нифонте

Сочиняет эпитафию Нифонту II, патриарху Константинопольскому (умер в 1508 г.)

Послан с миссией для сбора пожертвований и защиты православной церкви

В Валахии — у Неагое Басеараба (господарь 1512—1521 гг.).

Сочиняет два текста надписи к раке Нифонта II (в 1514—1515 гг.)

В 1516 г. отбывает в Московию

Открытые И. Денисовым материалы не только позволяют идентифицировать Максима Грека с Михаилом Триволисом, — взятые во всей полноте, они характеризуют и идейную эволюцию Максима Грека в течение первой половины его жизни. И. Денисов совершенно прав, утверждая, что эти материалы очень важны и для объяснения идеологии и деятельности Максима Грека в московский период его жизни. Однако то истолкование, которое дает им автор, вызывает, повторяем, самые решительные возражения.

II

В сущности, несмотря на заглавие «Максим Грек и Запад» работа И. Денисова своими тенденциями и выводами обращена к другой проблеме — Максим Грек и Россия. Автор сам указывает: «Жизнь Максима на Западе была бы обеднена, если бы мы не согласились видеть»

в ней вполне естественное вступление к его московской жизни. Как понять тайны его влияния в этой стране (России. — А. К.) и объяснить гонения, которым он там подвергался, если пренебречь огромным, накопленным им на Западе капиталом стремлений и разнообразных концепций»⁴.

Какой же идейный капитал накопил, по мнению Денисова, Максим Грек на Западе? Приведем слова самого автора — они не лишены образности: «Мы надолго остановились перед цоколем статуи (воображаемой статуи Максима Грека. — А. К.), чтобы расшифровать надпись. Выражая личность героя, она должна была выдать нам тайну его духовного пути. Высеченные в камне слова, которые мы по складам (имеется в виду длинный путь исследования. — А. К.) прочитали, сначала привели нас в смущение. По видимости статуя изображала истого москвитя, тип «старца», «человека божьего» со славянизированными чертами. Но вот три слова, особенно рельефно выделяющиеся на пьедестале, указывают на неизвестный аспект: «Грек, католизованный, гуманист» (Grec, latinisé, humaniste)⁵. Мы передаем слово «latinisé» как «католизованный», следуя тому смыслу, который вкладывает в него И. Денисов⁶. Этим И. Денисов хочет сказать, что частью своего духовного существа Максим Грек принадлежал католической церкви и разделял католические взгляды. И. Денисов утверждает, что католическая церковь всегда предлагала Максиму Греку свое «материнское лоно» и неизменно пеклась о нем. Эти утверждения в книге профессора католического университета, каковым является И. Денисов, по-своему понятны. «Noblesse oblige!» «Положение обязывает!». Но где доказательства? Итальянские связи Максима Грека? Они были католическими по необходимости, так как местом их была католическая страна. Монастырь св. Марка, в который Максим постригся в середине 1502 г.? Но уже в апреле 1504 г. Максим вышел из католического монастыря, чтобы никогда больше не возвращаться в это «материнское лоно». Фактами остаются почти демонстративный уход Максима Грека на Афон около 1505—1506 гг. и его решительные и резкие сочинения против католической церкви, написанные в московский период его жизни. Католические реминисценции действительно возникали у Максима Грека в связи с практикой борьбы против еретических движений на Руси. Но инквизиционным опытом католицизма живо интересовались и такие деятели русской православной церкви, как Геннадий Гонзов и Иосиф Санин. И вело их к этому отнюдь не сочувствие к католицизму как таковому, а идейная несостоятельность в борьбе с ересями, которую они пытались возместить методами инквизиционного террора.

И. Денисов стремится показать Максима Грека как деятеля, во всем обязанного западной культуре и только ей. Охарактеризовав Максима как «грека, католизованного, гуманиста», И. Денисов продолжает: «Это полный контраст тому образу Максима Грека, который передает московская легенда и старообрядческая литература... Этому Максиму, которого легенда русифицировала и окружила ореолом, противостоит наш западный Максим, греческий миссионер, деятельный и просвещенный, проникнутый духом итальянских школ и неизбежно вступивший в конфликт с москвитями, в далекой стране, куда он явился защищать византийское дело»⁷.

⁴ И. Денисов. Ук. соч., стр. 3.

⁵ Там же, стр. 359.

⁶ „...Максим — не только Грек, но Грек латинизированный или, если угодно, романизированный, отмеченный печатью католической среды, с которой он общался“ (там же, стр. 365).

⁷ Там же, стр. 359—360.

Особое внимание И. Денисов уделяет гуманизму Максима Грека: «Из трех главнейших черт, которые мы в нем (Максима Греке. — А. К.) подчеркнули, третья (гуманизм. — А. К.), к тому же синтезирующая обе другие (византизм, латинизм. — А. К.), представляется в конечном счете самой плодотворной»⁸.

Каково же место Максима в гуманистических кругах его времени?

По утверждению И. Денисова, «это отнюдь не гуманист второго разряда в ареопаге гуманистов Возрождения, простой сателлит какой-либо более замечательной личности»⁹. Но в таком случае Максим Грек — гуманист первого разряда, имеющий самостоятельное значение? Именно таково мнение самого Денисова: «Так гуманизм Михаила-Максима, который мы проследили шаг за шагом на протяжении его длительной прогулки по Италии, постепенно принял свой окончательный облик: сформировавшись во Флоренции, приобретаю утонченность и блеск в итальянских университетах, возмужавший в Венеции и в путешествиях по Милану и Савойе расширивший свой кругозор, он в Мирандоле достиг своей полной зрелости. Гений греческий и гений римский слились в Максима, придав ему своеобразию достаточно глубокое и определенное, чтобы ученые, а затем меценаты старались заручиться им в качестве сотрудника и наставника («мэтра»! — А. К.). С 1492 по 1500 г. ряд неожиданных успехов, плодов личной его значимости поставили его на видное место у гуманистов. От переписчика «Геопоники» у Ласкариса до образованнейшего и щедро вознаграждаемого поставщика текстов и идей для Пико — линия одна и восхождение подлинное»¹⁰.

На чем основаны эти суждения И. Денисова? В предисловии к своему труду И. Денисов (на стр. VII), пытаясь умалить заслуги советской историографии, утверждает, что своим исследованием он стремится содействовать восстановлению «блестящей традиции» русской исторической науки XIX в. Но в русской исторической науке XIX и начала XX в. принято было считать, что связи Максима Грека с гуманистами в конечном счете не определили его взглядов. Так, уже Горский, еще до крестьянской реформы писавший о Максима Греке, утверждал, что Максим Грек — не гуманист. Этот взгляд был поддержан Ф. Нелидовым, А. Пыпиным, Е. Голубинским и многими другими исследователями Максима Грека.

В 1911 г. Н. К. Гудзий в специальном исследовании: «Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского возрождения»¹¹ на основании анализа сочинений самого Максима Грека, т. е. по прямым источникам, установил, что Максим Грек отрицательно и даже враждебно относился к идеям итальянского Возрождения. В 1915 г. вышла известная монография Иконникова, но и она не дала никаких данных для пересмотра взглядов на отношения Максима Грека к итальянскому Возрождению.

Так, может быть, эти сведения дают памятники, привлекаемые самим И. Денисовым? Тут особенно интересны были бы данные о периоде пребывания Максима у Мирандолы¹², поскольку, как мы видели выше, именно этот период И. Денисов считает венцом гуманистической деятельности Максима. Но сам автор вынужден признать, что «мы не распола-

⁸ И. Денисов. Ук. соч., стр. 387, ср. стр. 366.

⁹ Там же, стр. 17.

¹⁰ Там же, стр. 224.

¹¹ Киевские Университетские Известия, 1911, № 9.

¹² Речь идет об итальянском гуманисте Дж.-Ф. Пико дела Мирандола.

гаем никакими точными данными о трудах, порученных Пико (Мирандолой. — А. К.) Михаилу Триволису (т. е. Максиму Греку. — А. К.)»¹³.

Чем же мы располагаем?

«Между тем из многих намеков, содержащихся в переписке Михаила, следует, что пребыванием у Мирандолы он был обязан своему знанию греческого. Фраза об «эллиномании» Пико знаменательна в этом отношении. Она дает понять, что эта страсть к греческому и есть причина доброжелательства и щедрости, которые были ему (Максиму. — А. К.) оказаны. «Надеюсь, — пишет Михаил, говоря о Пико, — что в дальнейшем я встречу еще больше благосклонности с его стороны, ведь он — поклонник всего греческого и очень щедр». Если принять во внимание разнообразные литературные труды Пико с 1498 по 1502 г., часть которых свидетельствует о выдающейся греческой образованности, можно не сомневаться, что Михаил был ему ценен той помощью, которую он оказывал в подготовке материалов для богословских и философских трудов или для необходимых переводов. Михаил занимался также дворцовой библиотекой и давал книжные заказы Альду Мануцию»¹⁴.

Вот и все данные о деятельности Михаила Триволиса как гуманиста, которые автор мог почерпнуть в найденных и приложенных им к книге документах.

Видимо, сам И. Денисов чувствовал шаткость позиции, которую он занимает, объявив Максима Грека гуманистом *par excellence*. Поэтому он вводит в свою теоретическую конструкцию понятие, которое должно спасти характеристику, данную им Максиму Греку. Он называет гуманизм Максима Грека «крещеным», «христианским гуманизмом». «Очевидно, — читаем у И. Денисова, — гуманизм греческого монаха это крещеный гуманизм («...l'humanisme du moine grec est un humanisme baptisé»). Он (Максим Грек. — А. К.) решительный противник неопаганизма своего времени, он открыто заявляет о своем полном расхождении с мирским эллинизмом. Но несмотря на это ясное отношение, мы видели, что его ум, как бы вопреки его воле, подвергся воздействию его первоначального эллинистического образования как в области формы, так и в области античной мудрости. Оно наложило неизгладимую печать на все, что он совершил. Максим бесспорно представляет собой образец того, что можно назвать христианским гуманистом»¹⁵.

Термин «христианский гуманизм», распространенный в западноевропейской историографии, не отличается определенностью содержания. Чаще всего им пользуются для обозначения деятельности тех религиозных идеологов, которые пытались сочетать принципы, выработанные гуманистами, с принципами христианской религии. По определению Де ла Тура, «гуманизм, сделавшись христианским, стал реформационным»¹⁶. В этом случае реформационные идеи рассматриваются как продукт влияния гуманизма на христианство.

Так, может быть, Максим Грек распространил идеологические принципы гуманизма на область религии и в этом смысле И. Денисов называет его «христианским гуманистом»? Может быть, гуманистическое перетолкование христианства составляет ядро религиозной доктрины Максима Грека? По-видимому, именно так и считает И. Денисов. Поэтому он подчеркивает связи Максима Грека со школой Марсилио Фичино, возро-

¹³ И. Денисов. Ук. соч., стр. 216—217.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 367.

¹⁶ P. Imbart de la Tour. Les origines de la Réforme, t. II. Paris, 1909, p. 397.

ждавшего с большой охотой религиозные учения неоплатоников, в частности Псевдо-Дионисия Ареопагита. Поэтому же он считает духовными учителями Максима Грека того же Псевдо-Дионисия Ареопагита и Максима-исповедника и ищет следы, которые оставили неоплатонизм и находившаяся под его влиянием патристика на религиозных сочинениях Максима Грека, написанных им уже в московский период.

Неоплатонические влияния, в частности неоплатоническая мистика, действительно являлись источником, которым пользовался Максим Грек. Но и Фичино, и Мирандола, и Эразм Роттердамский делали из неоплатонизма гуманистические выводы. Где они у Максима Грека?

На Руси неоплатонизм не был философской новостью не только в начале XVI в., но и гораздо раньше. Не говоря уже о философских традициях той эпохи русской жизни, которая проходила в государственных рамках Киевской Руси, в конце XIV в. образованные и ищущие представители русского общества обращались непосредственно к сочинениям неоплатоника Псевдо-Дионисия Ареопагита, которые были известны на Руси в копии, сделанной митрополитом Киприаном с болгарского перевода, оконченного монахом Исайей в 1371 г. Во второй половине XV в., во время ереси так называемых жидовствующих, сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита являлись идейным оружием новгородских еретиков в их борьбе против церкви. Тогда же, т. е. за полвека до приезда Максима Грека в Россию, новгородскими еретиками была высказана и остро поставлена перед обществом идея так называемого религиозного индивидуализма — одна из важнейших реформационных идей. На этом фоне меркнет «христианский гуманизм» Максима Грека. Его сопротивление догме, внешней обрядности и всему религиозному формализму православной церкви было робким и двусмысленным.

Таким образом, мы видим, что тезис И. Денисова о Максиме Греке как выдающемся гуманисте, имевшем в гуманизме самостоятельное значение, не подкрепляется какими-либо фактическими данными; но для Денисова он очень важен как один из первостепенных элементов той концепции, которую он развивает в своей книге.

Вторым важнейшим элементом концепции И. Денисова является тезис о России первой половины XVI в. как о царстве тьмы с господством татарщины в сознании, обычаях и порядках. Автор пишет: «Могло казаться в первой половине XVI в., что сама далекая Москва не вполне избежала могущественного дуновения Ренессанса. Западная цивилизация еще с конца предыдущего века начала накладывать на нее свой отпечаток. Благодаря этому там расцвела архитектура и древние убогие здания были заменены совершеннейшими творениями зодчих...»¹⁷. Но тут же И. Денисов подчеркивает: «Это был еще только легкий зефир, не способный растопить слой льда, покрывавший московскую землю... Все эти шедевры, напомиравшие европейские, были созданы иностранцами, которых привлекала щедрость великих князей. Дух, который их вдохновлял, не проник в русское общество, на протяжении двух веков татарского владычества преданное без защиты в добычу Азии. Сlishком долго порабождали его татарские нравы. Его душа оставалась первобытной, с трудом поддающейся лепке. Максим, по-видимому, был сильно поражен монгольским видом, который еще хранил двор Василия III...»¹⁸.

Этот тезис, по мнению И. Денисова, не нуждается в доказательствах.

Таким образом, основные элементы концепции И. Денисова опреде-

¹⁷ И. Денисов. Ук. соч., стр. 378.

¹⁸ Там же, стр. 380.

лены: с одной стороны — солнечная Италия, с противоположной — ледяная Москва, с одной стороны — блестящее общество ученых и меценатов, с противоположной стороны — «монгольский» двор Василия III, с одной стороны «наш западный Максим», гуманист первой величины, с противоположной — скифские «первобытные, с трудом поддающиеся лепке» души.

И. Денисову оставалось соединить между собой свои тезисы.

Кто же такой Максим Грек как историческое лицо? Кем был Максим Грек в Москве?

Приводим ответы Денисова:

«...Максим Грек представляется взору историка как ревностный распространитель цивилизации при ее возникновении в России. Он ведет себя, как деятельный распространитель европейской культуры в духе широкого (даже! — А. К.) гуманизма, согласно традициям эпохи»¹⁹.

И дальше: «В этой схватке с еще темным мышлением народа, поздно вошедшего в соприкосновение с западной цивилизацией, гуманист «Возрождения» фатально должен был пасть. Он не смог преодолеть преграды предрассудков, ни восторжествовать над умственной спячкой, с которыми он сталкивался, но, по крайней мере, ему было дано медленным ростом своего влияния подготовить будущее»²⁰.

Но в таком случае как не признать, что «в плане чисто умозрительной мысли все то, к чему Максим приобщил русских, подлинно является вторым крещением!»²¹. Максим Грек, по мнению И. Денисова, был для России того времени ее самым выдающимся гуманистом, философом, теологом, филологом, публицистом. Таков был дар западной цивилизации Москве.

Это был жертвенный дар: «...его (Максима Грека. — А. К.) отклонения от доктрины без сомнения не привели бы его на Западе ни к отлучению, ни к тюремному заключению и цепям. Но та терпимость, которую внушал гуманизм, была неизвестна в Московии, где всякий независимый образ мысли считался ересью...»²².

Так раскрывает И. Денисов тему: Максим Грек в Москве.

Концепция И. Денисова ненаучна и политически тенденциозна. Декларируя задачу своего труда в том, чтобы освободить биографию Максима Грека от легенды, поставить его биографию на прочное основание фактов, И. Денисов приносит старые и новые факты в жертву легенде, творимой им самим. Впрочем, эта последняя воспроизводит безнадежно устаревшие представления об истории русского общества и его культуры. Можно сколько угодно «сокрушаться» о традициях русской исторической науки, но гораздо плодотворнее для труда И. Денисова было бы, во-первых, ставить перед собой научные, а не пропагандистские цели, а во-вторых, без предвзятости отнестись к работам советских ученых, посвященным истории русского общества XV—XVI вв., его политических и религиозных движений, его литературы, живописи, архитектуры, его социальной мысли.

III

Как бы односторонни и тенденциозны ни были выводы И. Денисова, они, однако, не должны служить поводом для другой крайности: отрицания общественно-культурного значения деятельности Михаила Триволиса—

¹⁹ И. Денисов. Ук. соч., стр. 11.

²⁰ Там же, стр. 386.

²¹ Там же, стр. 368.

²² Там же, стр. 385—386.

Максима Грека. Тем более достойной сожаления является попытка вернуться к той оценке Максима Грека, которую при жизни Максима Грека ему давали его политические враги. Мы имеем в виду статью И. И. Смирнова «К вопросу о суде над Максимом Греком»²³, подвергнутую еще в 1948 г. убедительной критике И. У. Будовницем²⁴.

Максим Грек в России внес вклад в разработку грамматики, он оставил ценный и новый для современников и для ближайших поколений опыт переводческой деятельности и филологической критики, он дал новый для условий половины XVI в. пример публицистики, обращавшийся за доказательствами к разнообразным явлениям культуры и знания и, в частности, философии. Публицистика Максима Грека знакомила русское общество с фактами культурной жизни западноевропейских народов и сообщала многие ценные сведения исторического и географического характера (например, об открытии Америки). Несомненно, важную роль играли «нестяжательские» выступления Максима Грека, его критика монастырской жизни, его понимание религии, более свободное, чем то, которого придерживалась и которое отстаивала православная церковь. На этой почве складывались взаимоотношения с Максимом Греком многих видных и просвещенных русских деятелей половины XVI в. — Федора Карпова, Вассиана Патрикеева и др. Все это так, но ничто из сказанного не делает Максима Грека апостолом «цивилизации при ее возникновении в России» и не дает оснований оценивать его деятельность как «второе крещение» Руси.

Между итальянским и московским периодом жизни Максима Грека, между Михаилом Триволисом и Максимом Греком лежат долгие годы монашества. Этот период недостаточно принят И. Денисовым во внимание. От этой полосы жизни Михаила-Максима остались лишь скудные сведения, но что она значила для него, показывает сопоставление интересов и идеалов Михаила-Максима в итальянский и в русский отрезки его жизни. Это было время самоопределения Максима как православного ортодокса и окончательного крушения гуманистических увлечений Михаила Триволиса, имевших, по-видимому, не очень глубокие корни, ибо уже в Италии, после встречи с Савонаролой, Михаил Триволис жертвовал гуманистическими интересами ради религиозных. Период гуманистической деятельности Михаила Триволиса не выходит за пределы 1492—1500 гг., т. е. составляет во всяком случае не более восьми лет. С 1500 г. Михаил Триволис захвачен религиозными исканиями, колеблется между католицизмом и православием, пока в 1505 или в 1506 г., не делает своего решительного выбора в пользу православия.

Как бы Максим, монах Ватопедского монастыря, ни проклинал прежнего Михаила Триволиса, он не мог выбросить 1492—1500 гг. из своей биографии, как не мог совершенно уйти от гуманистического образования, приобретенного за эти годы. Но сплава между гуманизмом Михаила и христианством (православием) Максима не получилось.

Марсилио Фичино или Эразм Роттердамский пытались извлечь из христианства то, что могло служить гуманизму. Максим Грек, как показывают написанные им в России сочинения, пытался обратиться на пользу христианства ту эрудицию, которую он получил за время своего общения с гуманистами.

И. Денисов не представляет себе гуманизма, который исходил бы не от верхов общества. Когда он характеризует умственную жизнь русского

²³ ВИ, 1946, № 2-3.

²⁴ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М., 1948, стр. 143—144.

общества, то для него русское общество выражается в первую очередь в таких фигурах, как Геннадий Гонзов, или Иосиф Санин, или митрополит Даниил и т. п. Да, на этом фоне мог сойти за «христианского гуманиста» и Максим Грек, хотя в высказанных им взглядах он не так уж далек был, как это на первый взгляд кажется, от своего ортодоксального противника и личного врага митрополита Даниила.

Но русское общество далеко не исчерпывалось фигурами, стоявшими на переднем историческом плане.

В ходе классовой борьбы, выражавшейся в прямых народных восстаниях (в конце XV—половине XVI в.), возникала общественная необходимость в утверждении свободы и достоинства человека и у тех тысяч и тысяч русских людей, которые испытывали на себе боль и горечь попрапия основных человеческих прав, бесчеловечность насилия и эксплуатации. В переломное время XV—XVI вв. созрели объективные предпосылки к тому, чтобы эта необходимость была осмыслена теоретически. Это и сделали как отдельные, наиболее сознательные и способные представители демократических низов, так и те немногие представители верхов (например, Федор Курицын), которые по тем или иным причинам оказались связанными с демократическими кругами.

В условиях духовной диктатуры православной церкви гуманистическая мысль в значительной степени вынашивалась в подполье русской общественной жизни. Ей случалось выходить на поверхность — ее носителей постигали костры, как в 1504 г., когда были сожжены новгородские и московские вольнодумцы. Без сомнения, вместе с авторами предавались огню их сочинения; и к одной из инквизиционных расправ церкви с «еретиками» имел отношение «христианский гуманист» Максим Грек. И. Денисов отмечает в своей книге: «Два раза он (Максим Грек. — А. К.) признает деятельность римской инквизиции благотворной для религии»²⁵. В этом своем наблюдении И. Денисов прав. Мы же, говоря об отношении Максима Грека к инквизиционной расправе с еретиками, имели в виду его — Максима — «Совет к собору православному на Исаака Жидовина, волхва и чародея и прелестника». В этом «Совете», ссылаясь на примеры Моисея, который «беззаконников» повелел «убивать оружием всех подряд», Льва Катанского, который самолично возвел на костер волхва Илиодора, Максим Грек призывал собор: «... смутившего паству Спасителю предайте внешней власти на казнь!»²⁶. Следует отметить, что с такими же призывами, ссылаясь на те же, что и Максим Грек, примеры, выступал в «Просветителе» (слово 13-е) и Иосиф Волоцкий, требуя казни новгородско-московских еретиков. Действительно гуманным актом явилось тогда мужественное обращение кирилловских старцев к Василию III с защитой еретиков.

Ввиду названных обстоятельств современный историк встречает большие трудности в попытке реконструкции подлинной картины общественной мысли XV—XVI вв. Эти трудности усугубляются ограниченностью сохранившихся источников.

В наших работах «Написание о грамоте»²⁷, «Самобытийная ересь»²⁸, «К истории русской реформационной мысли»²⁹, «К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности»³⁰, «У истоков русской

²⁵ И. Денисов. Ук. соч., стр. 376.

²⁶ Максим Грек. Соч., ч. I. Казань, 1895, стр. 44.

²⁷ Вопросы истории религии и атеизма, № 3, 1955.

²⁸ Там же, № 4, 1956.

²⁹ Там же, № 5, 1958.

³⁰ ТОДРА, т. XIII, 1957.

гуманистической мысли»³¹ мы привели первую сводку фактов, характеризующих становление русской гуманистической мысли в конце XV—половине XVI в.

В свете этих фактов невозможно говорить о Максиме Греке как первом распространителе гуманистических идей на Руси. Эти идеи имеют свою историю на Руси задолго до появления в Москве Максима Грека. Они имеют еще гораздо более далекую предысторию.

Русская общественная мысль конца XV в. обращалась к классической античной философии и в первую очередь к тем ее принципам, которые питали гуманистическую мысль. Это были принципы нравственной свободы, естественной меры (античный принцип «ничего лишнего!»), античный философский пантеизм. Преодолевая малодоступность непосредственных источников — сочинений Платона, Аристотеля, Эпикура, — русская общественная мысль умела освободить от церковности элементы античной философии в сочинениях раннего греческого христианского богословия. «Лаодикийское послание» Федора Курицына и, особенно, «Написание о грамоте» утверждали учение о нравственной свободе, значимость и достоинство человеческой личности. «Сочинение против монашества» и «Сочинение о духовном рае»³² по-своему утверждали «приятие жизни». Это «приятие жизни» не совпадало с итальянским культурно-бытовым паганизмом эпохи Возрождения, но в противовес аскетизму оно восстанавливало и освящало «право плоти», объявляя тело человека «храмом Божиим». Например, в «Сочинении о духовном рае» декларировалось в духе античного понимания этики: «Что касается пищи, и половой жизни, и подобного тому, то вот в чем сущность и разум доброго: в еде стоит между сытностью и ненасытностью, также в одежде; лихоимство и то, что сверх потребности законного и естественной меры, то, что поверх естественного и потребного, — это дух злого»³³.

Итак, к тому времени, когда ватопедский монах Максим прибыл в Россию, русская общественная мысль уже выработала антиригидитаризм, восходящий, по нашему мнению, к философским представлениям номинализма, религиозный рационализм и индивидуализм, понятие о «самовластии» человеческой личности, понятие об «естественности» как нравственном критерии. В середине века Феодосий Косой вынашивал представления в духе философского материализма — понятие о «самобытии» мира. Таковы были главные успехи на путях становления русской гуманистической и философской мысли.

Не эти идеи развивали сочинения Максима Грека. Гуманистическое влияние его сочинений было, во всяком случае, их косвенным, побочным продуктом. Не столько своими идеями, сколько своим культурным уровнем, разносторонностью экскурсов, богатством ассоциаций сочинения Максима Грека составили незаурядный пример в русской публицистической литературе половины XVI в. и таким образом способствовали развитию общественной мысли. В то же время Максим Грек выступал как эрудированный противник тех идейных начал, философских и гуманистических, которые формировались на Руси на путях освоения культурного наследия античности, и приходивших из Западной Европы произведений науки (например, «Шестокрыла» Иммануила бен Якова или «Логики» Маймонида, Аль-Газалия и др.).

³¹ Вестник истории мировой культуры, 1958, № 1.

³² Рукопись Ундольского № 1, последняя четверть XV в., в собрании Библиотеки им. В. И. Ленина.

³³ Рукопись Ундольского № 1, л. 459—459 об. — 460, перевод наш. — А. К.

В этой связи должен быть отмечен неопубликованный и неизученный памятник, который называется «Похвала Адаму первозданному» из рукописного сборника сочинений Максима Грека (№ 264 в Румянцевском собрании Государственной библиотеки им. В. И. Ленина). Это сочинение не вошло в печатное издание трудов Максима Грека. Является ли оно вполне оригинальным, нам в настоящее время не удалось установить, но в принадлежности этого сочинения перу Максима Грека, кажется, не сомневался и Е. Голубинский.

Однако, прежде чем сослаться на это сочинение, уместно будет напомнить, что и «Речь о достоинстве человека» Мирандолы также является в своем роде «Похвалой Адаму первозданному» и в лице его всему человечеству. Но какой контраст!

«Адам пръвый человек божию рукою създан и по образу и подобию съдетелеву образован и почтен райским вселением. Съй в правде убо пръвый наречется премудр, акы быв пръвъзданная доброта и образ богописан, акы быв преполон всячьскими благодатми и вся чювьствия души же и тела чиста и непретворна имев. Светлости бо некия яко же рещи от души его блистащесе по всему естеству течаху, *иже не от человек искусен бысть разсуды многажды не тверды творящих, но от самого бога и съдетеля всех творящаго пряме всякий разум и суд*»³⁴. Уже в этом отрывке высказана главная идея всего сочинения об Адаме: противопоставление знания, получаемого как откровение от бога, — знанию, добытому усилиями человеческого ума. Истинным знанием, утверждает Максим Грек, является только первое, второе есть знание ложное. Далее этот тезис развивается следующим образом: «И якоже глаголет святое писание: и сътвори бог вся скоты и звери, и гади, и птица, и приведе я к Адаму да увестъ что наречется. И якоже нарекл есть Адам, сие имя коемуждо есть. Что гласа оного и сведетелства явьственее! Что премудрости и разсуждения сего высочайше! Нарече имена естество самое и състав единого кождо животнаго. Акы уставляя, *не прежде поучився, ни предумыслив, ничтоже предстрадав, елика случатся человеком. И премногим родом минувшим невъзможе никто же пременити имяни худаго животнаго, ниже оного получитьи велеумниа и разсуждения, паче же пребывают вси человеци, иже по всей земли разсеянии оного узаконении непременно дръжащесе. . .*»³⁵. Автор относит к Адаму знание различия и силы разных корней и трав «елика на пособие и исцеление естество коемуждо животну дарова и разсудил и изъяснил». Адам первый узнал различие полов и «не якоже из уст человекьских», «но акы от некоего божественаго просвещения движим». «Съй (т. е. Адам. — А. К.) убо есть искусивый вся и единому кождо и всем правила и меры и уставы непререкомы устроив. Сего суть обретение и хитрости и писмена. Сего художества словесна и житейска. Сего пророчества и священодействия и очищения и законы писаны и неписаны. Сего суть вся обретения и учения. Съй есть пръвый богоподобный образ и богоукрашенаа доброта от его же правятся всякие человекьские хытрости. . .»³⁶. Медицина и грамота, все отвлеченные («словесна») и практические («житейска») науки («художества») преподаны Адамом и являются вечным и непреложным знанием, как знанием «откровенным», т. е. не Адамом установленным, но дарованным ему свыше. Сказанное и составляет предмет похвалы, обращенной к первозданному Адаму. Это не Адам Мирандолы, олицетво-

³⁴ Рукопись № 264, Румянц. собр. в Гос. б-ке им. В. И. Ленина, л. 45.

³⁵ Там же, л. 45 об.

³⁶ Там же, л. 46.

ривший свободное человечество. Это Адам, человек райский, и он восхваляется лишь как таковой.

А за раем лежит грешное человечество со всей историей его бытия и культуры. Эта история датируется от момента, «дондеже богопротивный и отступник и прелестник диявол его не отвалил твердости его и стояния и поревал его в стремнинах и пропастях и мрачных местех»³⁷. С этой поры человечество лишилось «откровенного» знания. «Оттуду почят естество человецьско развращатися и оужати и прелгати на хужшей образоватися мучителя прельщени же и образовании»³⁸. Тут развивается уже знание, дьяволом внушенное человеку.

«Похвала Адаму первозданному» дает по-своему замечательный очерк развития человеческой культуры, сопровождая анафемой каждый ее шаг: «Отселе лъживая мудрость начало прият, божественей отбегши и на небесех възлетевши, отнюду же бе преж пришедши. Оттоле лъстивый божеству наречение присвоив себе на многы разделил Кроны ж и Зины и Посидоны преименуя себе и еже ес всех богомрзъчае на имена женская и скверна преблажено и неизреченно божественно естество и извлек богопротивный нареах онех и Афродитах и Афинах и на иных бесчисленных и неподобных образех безсловесных животнех, их же злобы обретател и отступлением недуговав и умыслил и въобразил»³⁹. Осудив эллинскую религию и мифологию, автор обращается к восточным религиям: «Отсуду египтяном яже о Осире и Тифоне и Исиди богомрзкая повествования и персяном влъхованнаа прелщениа и в рахмянном наго обучения и невременная мечтания и удивляемое скифское речение, и фракияном таинственныя службы и фригискыя сурны и кориванти»⁴⁰. Автор не преминул сделать выпад и против ненавистной ему астрологии: «Отсуду халдейская астрология лъжива и многоболезненна»⁴¹. Все перечисленное для Максима Грека есть измышления человеческого ума, «лъживая мудрость», которой противостоит «откровенное» знание первозданного Адама. Из дальнейшего выясняется отношение автора не только к религиозному и мифологическому достоянию Греции и Востока, но и к античному культурному наследию в целом. Оно ставится Максимом Греком на один уровень с «богомерзким» культом Хроноса и Посейдона, Озириса и Исиды, персидским волхованием и халдейской астрологией. «Отсуду, — продолжает Максим Грек, — родительница лъжитворцов мудрость, еллинских бляд честное баснословие»⁴². Он хорошо осведомлен в истории эллинской мудрости, Максим Грек! «Отсуду Орфей и Омир и нечестивых родов повеститель Исиод. Отсуду Фалитова (Фалесова. — А. К.) мудрость и славный Пифагора и премудрый Сократ и Платон, академии афинейский многословутное честнословие. Отсуду Пармениды и Протагоры и Зиноны. Отсуду Стоа (стоики. — А. К.) и Ареипаг и Епикурии. Отсуду трагодийскы плачеве и рыдания и комиков играния и кошуны»⁴³. Далее Максим Грек рассказывает об искупительном подвиге Христа и новом «откровенном» знании, поведанном Петром и Павлом. «От сего света яже по бозе премудрость пакы всъсила и языки рыбарей утвердила и премудрым учителях немудрых съдела»⁴⁴.

³⁷ Рукопись № 264, л. 46.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, л. 46—46 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 46 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, л. 47.

Выпады Максима Грека против античной философии не новы. Они известны и по другим его сочинениям. И все же странны эти анафематствования в адрес Сократа, Платона, Афинской академии, греческой трагедии и комедии в устах человека, который, по оценке И. Денисова, не только был сотрудником видных итальянских гуманистов, но и играл в гуманизме самостоятельную роль.

Максим Грек действительно, как утверждает И. Денисов, откликнулся на большинство вопросов, волновавших его время. Однако литературные произведения Максима Грека только тогда могут быть поняты и оценены, если раскрыть идеологические анонимы, по адресу которых он выступал. Мы находим в сочинениях Максима Грека полемические отклики на многие освободительные течения русской общественной мысли. Более того, сочинения Максима Грека помогают (снямая их антитезу) восстановить некоторые недостающие звенья в идеологии этих течений и в этом отношении его сочинения должны быть особенно тщательно изучаемы. Несомненно одно: Максим Грек связал себя с реакционными верхами господствующего класса и церкви. Он «фатально пал», употребляя выражение И. Денисова, не как представитель и поборник новых культурных начал, непонятый, отвергнутый и поверженный русским обществом первой половины XVI в. Он «фатально пал» как всякий деятель, который пытается соединить несоединимое: интересы реакционных верхов невозможно было обосновать и защищать с помощью философских и просветительных идей, хотя бы и умеренных, в той их доле, какая осталась еще у Максима Грека, после того как монах восторжествовал в нем над светским ученым.

Попытка Максима Грека сочетать гуманность с признанием инквизиции, жизнеутверждение с монашеской аскезой, Платона и Аристотеля со злонамеренным обскурантизмом церкви, независимость мысли с борьбой против передовых идей была утопической и могла лишь вызвать подозрительность руководящих феодальных верхов. Именно этим и объясняются те превратности, которые пришлось испытать Максиму Греку. Он и сам, по-видимому, в какой-то мере сознавал противоречивость своего положения и пытался найти выход из него (и тем самым опорой для себя) в сближении с политическими деятелями церкви и государства, которые мыслили свободнее и шире, чем официальное церковное руководство и окружение Василия III. Отсюда связи Максима Грека с «нестяжателями», взгляды которых он, впрочем, разделял не во всем их объеме и не до конца. Отсюда связи Максима Грека с близкими нестяжателям оппозиционными боярами. Он не был по натуре бойцом, он не только не обнаружил способности к героизму, какой проявили новгородские и московские вольнодумцы в борьбе за свои идеалы, но уступал и в последовательности и твердости своих убеждений и своим союзникам «нестяжателям». Господствующие верхи отвергли не цели, а скорее средства Максима Грека, которые — как они не без основания опасались — сами по себе могли составить «соблазн» и привлечь к Максиму Греку элементы, фрондирующие против существующей великокняжеской и церковной власти.

В свете всего сказанного следует признать, что именно та часть жизни, которую Максим Грек провел в России, имеет решающее значение для всех связанных с Максимом Греком проблем. Двадцатидвухлетним юношей Максим появился в Италии, а к тридцати годам уже успел растратить свой гуманистический пыл⁴⁵. Не в Италии, не на Афоне, а в России

⁴⁵ Идеинный кризис, пережитый молодым гуманистом Михаилом Триволисом в Италии, вряд ли может рассматриваться в плане его индивидуальной судьбы, а скорее составляет

Максим Грек определился в качестве публициста. Не как сторонний наблюдатель и не как иностранный агент участвовал Максим Грек в русской жизни. Напротив, русская действительность половины XVI в. дала пищу основным публицистическим выступлениям Максима Грека. Итальянский и афонский опыт Максима Грека лишь своеобразно окрасил их. Поэтому можно утверждать, что решающее слово о Максиме Греке должно быть сказано и будет сказано советской исторической наукой, в распоряжении которой находится литературное наследие Максима Грека, далеко еще не восстановленное в своем полном объеме.

Первоочередная задача в изучении проблем, связанных с Максимом Греком, — это задача источниковедческая. Осуществление этой задачи не только послужит выявлению значения Максима Грека для русского общества половины XVI в., а тем самым и лучшему пониманию умственной жизни этого периода, но и даст дополнительные данные для научного изучения домосковского периода жизни Михаила Триволиса — Максима Грека.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

I

ПИСЬМА МАКСИМА ГРЕКА (МИХАИЛА ТРИВОЛИСА)

1498—1504 гг.*

1. Письмо Николаю Тарскому от 29 марта 1498 г.

Преподобному священнику во Христе, достопочтеннейшему Николаю Тарскому, канонику в Верчелли.

Очень спешно.

Достопочтеннейший отец мой, да пребудешь ты в добром здравии. Сам я здоров.

Я премного тебе благодарен за то, что ты заботишься о нас даже во время нашего отсутствия и не перестаешь делать нам добро. За все это пусть воздаст тебе достойную награду Царь всего существующего, ведь не в наших силах достойно вознаградить тебя.

Узнай, что я уже прибыл к владыке Мирандолы¹ за наградой, о которой я писал тебе раньше. У него я достаточно окружен любовью и почетом; поэтому не следовало бы, оставив его, идти служить другим, тем более, что я обещал ему свою верную службу раз и навсегда. А так как владыка Дечианы² такой любитель греческого, как мы это знаем, то я, желая ему сделать приятное, пошлю ему другого молодого человека³, не менее образованного, чем я, родом с Крита, весьма выдающегося как по знаниям, так и по нравственности, прекрасно усвоившего народную речь латинян и постигшего соль их красноречия. Его-то я и пошлю Вам, если угодно, вместо себя

явление небезынтересное для историков западноевропейской гуманистической мысли и ее кризиса.

* Перевод с греческого И. А. Лившиц; примечания к переводу принадлежат И. Денисову.

¹ Джованни Франческо Пико дела Мирандола, граф Конкордийский.

² Лодовико II Тиццони, граф Дечианский.

³ Иоани Григоропул.

на то же жалованье, которое предлагалось мне, ведь меньше он не возьмет. А ты, если желаешь мне доставить удовольствие, вспомни о прежнем твоём расположении ко мне и перенеси это расположение на него. Ведь я его очень люблю за его добродетель, так этот юноша добр и благоразумен. *Sed de iis satis dictum* *. Люби меня, как ты меня любил, и располагай мною смело и без стеснения, как и раньше. Позаботься сразу отправить ответ на это письмо, даже если он отрицательный. Будь здоров, возлюбленный богом. Из Мирандолы, 29 марта.

Весь твой Михаил.

2. Письмо Иоанну Григорупулу от 29 марта 1498 г.

И это тебе.

Я боролся с собой изо дня в день, друг мой, чтобы обратиться к тебе, но ты предупредил меня, написав мне первый. Как обрадовало меня твое письмо, врученное мне, нужно ли говорить? Мне казалось, что я беседую с самим тобою и шучу, взяв тебя за руку, как мы имели обыкновение. Ты хорошо поступил, доставив мне немалую радость, и в дальнейшем, я надеюсь, будешь поступать так же.

Я сделал то, о чем ты меня просил. Что я пишу, ты увидишь во всех подробностях, развернув письмо, поэтому я и посылаю его тебе незапечатанным⁴. Когда ты его прочтешь, то, сложив его и запечатав, передай тому господину, который вручил мне шкатулку. Чтобы тебе легче узнать этого человека, пойди в то место, которое называется Реальто ин Панариа (*Realto in Panaria*), а именно, среди лавок, торгующих полотном, в лавку, на вывеске которой изображен бык, и спроси там об этом человеке, ведь там он обычно проводит все время. Зовут этого человека — господин Иероним ди Пики⁵, и тебе покажут его, если он будет там. Вручи ему письмо, приветствуй его от моего имени и скажи ему, чтобы он перелал это письмо в Верчелли, а все письма, присланные для меня из Верчелли, вручил бы тебе.

Узнай также, что недавно я получил еще и другое предложение из Болоньи. Мне вручены были письма оттуда, в которых меня просят ехать туда и обещают нам многое, не указывая, однако, гонорара даже приблизительно. Все это я тебе рассказываю, чтобы ты мог выбрать то, что тебе больше нравится; впрочем, и то и другое предложение хорошо для настоящего момента.

Позаботься отправить в Верчелли письмо, которое я написал. Будь здоров и напиши мне поскорее, что ты делаешь, что у тебя нового, истинного и заслуживающего внимания, ведь ты знаешь, что я «люблю сражаться, когда сплю».

Еще раз, будь здоров.

29 марта.

Твой Михаил.

3. Письмо Иоанну Григорупулу от 26 ..... 1499 г.

Дорогому, как брату, Иоанну Григорупулу Критскому в доме господина Альдо в Венеции.

Сладчайший брат мой, да пребудешь ты в добром здравии, как и сам я здоров. Не удивляйся, что нечасто шлю тебе письма. Я думаю, что долг дружбы состоит не в том, чтобы часто посылать письма, и что во всяком

* Но об этом достаточно сказано.

⁴ Он имеет в виду свое письмо к Николаю Тарскому (см. № 1).

⁵ Неизвестное лицо.

случае он состоит прежде всего в том, чтобы предоставить свою помощь, когда это нужно. Во-вторых, у нас мало письменосцев, и в-третьих, сейчас нет никаких срочных сообщений. Не сетуй на меня в будущем, если по указанным причинам редко будешь получать от меня письма. Прошу тебя, если ты меня любишь, пришли мне ответ с тем же курьером, не отнеси с пренебрежением к этой просьбе. Ведь я жду, разинув рот, наподобие птенцов, ожидающих, когда явится их мать и принесет им пищу. Послушай, о чем я прошу тебя мне написать: сообщи мне как можно скорее, собирается ли в это лето глава нечестивых⁶ послать флот в море, или нет, и безопасно ли для плавания Адриатическое море, или нет. Дело в том, что один из моих здешних друзей⁷, намеренный плыть на о. Керкиру, хочет знать, безопасно ли это путешествие, или нет. Вот что я хочу от тебя узнать. Не оставь без внимания (эту просьбу), прошу тебя, дорогой мой. Окажи услугу тому, кто ее просит, будь внимателен к умоляющему.

Будь здоров. Обнимаю всех друзей и больше всего господина Георгия Мосха⁸. Желаю тебе много лет (жизни). Больше я не пишу за неимением времени: курьер стоит у меня за спиной и просит, чтобы я вручил ему то немногое, (что написано).

Из Мирандолы.
26-го сего месяца.

Твой Михаил Триволис

4. Письмо Иоанну Григорупулу от марта 1500 г.

Милостивому и образованному господину Иоанну Григорупулу в Венеции.

Узнай, любимый мой Иоанн, что я невредимым прибыл в Мирандолу и что князь⁹ относится ко мне ничуть не хуже, чем раньше. Он рад был (меня видеть), о чем свидетельствовало множество несомненных признаков. Надеюсь, что в дальнейшем я встречу еще больше благосклонности с его стороны, ведь он — поклонник всего греческого и очень щедр. Я хотел бы видеть, как и ты гордишься и хвастаешь расположением и щедростью подобного доброго покровителя, тогда я считал бы себя вполне счастливым, но «это, — как говорят, — покоится на коленях у богов»¹⁰. А ты, друг мой, не унывай и не забывай пользоваться жизнью, помня слова мудреца: «Пользуйся весной, ведь все быстро отцветает».

Будь здоров и передай мой привет учнейшему Альду. Насчет «тертого калача» с Крита¹¹ мне нечего сейчас сказать. Я еще не потряс его письмом, боясь испытать то, что бывает, когда шевелят кусты анагира¹².

Приветствуй от моего имени всех друзей, особенно кожевника, ты знаешь, о ком я говорю. В первую очередь, не забывай мне ответить. Я сказал Захарии¹³, чтобы он позаботился выполнить то, что он взялся сделать, когда я уезжал.

Еще раз, будь здоров. Март, не знаю, какое число. Передай от меня привет Маэстро Франческо¹⁴

Твой Дорилеос¹⁵ Триволис, лакедемонянин из Спарты.

⁶ Баязид II, турецкий султан (1481—1512).

⁷ Предполагаем, что Михаил Триволис говорит о себе самом.

⁸ Георгий Мосх, сын Иоанна Мосха, преподавателя школы в Корфу.

⁹ Джованни Франческо делла Мирандола.

¹⁰ Гомер. Илиада, XVII, 514.

¹¹ Предположительно Арсений Аристокл Апостол.

¹² *Anagyris foetida* — дерево с отвратительным запахом.

¹³ Захарий Каллерги, типограф в Венеции.

¹⁴ Франческо Росето.

¹⁵ По-видимому, намек на свое происхождение.

(На полях)

Я пишу Альду, чтобы он прислал мне несколько книг, среди них просил я прислать Диоскорида¹⁶. Если он есть у тебя, то заработай на этом деньги лучше ты, чем кто-нибудь другой; лучше же всего, доставь мне удовольствие и пришли мне экземпляр Павла¹⁷, который он переплел в Падуе; деньги за него я собираюсь прислать, когда буду посылать Альду за другие книги.

5. Письмо Сципиону Картеромаху от 21 апреля 1504 г.

Образованному и ученому господину Сципиону Картеромаху.

Да пребудешь ты в добром здравии, любимый мой друг Сципион. Благодарение богу, здоров и я. Я встретил нашего любимого и почтенного Петра Леухеймона¹⁸ и слышал от него о твоём процветании и прекрасном твоём и милостивом ко мне расположении. Я вознес за это благодарность богу — началу всех благ — и произнес лучшие обеты за тебя, столь благородного, расположенного ко мне и заботящегося обо мне, как единоутробный брат, в то время как я ни разу еще не потрудился для тебя.

Желаю тебе счастья и удачи во всем.

Без сомнения, ты слышал, как это кончилось, ведь честный Петр все тебе подробно рассказал, а поэтому и сейчас мне кажется лишним рассказывать это тебе. Кроме того, нет у меня ни времени, ни спокойствия души и ума, не только потому, что я здесь ничего не нашел ни у кого, но и потому, что меня кидает вверх и вниз, как корабль, сотрясаемый переменчивыми ветрами в открытом море. Поэтому-то я и не пишу тебе сейчас ничего больше, помимо того, что я отказался от монашеской жизни из-за многих болезней, одолевающих меня, а не по какой другой причине. Я прошу тебя перед лицом самого Спасителя, займись моими делами, как ты (это) начал (когда-то), избавь меня от теперешней моей подавленности и, каким сможешь способом, вытщи меня к вам. Вот я предоставляю тебе распоряжаться моими делами так, как тебе покажется нужным, чтобы это было полезно для меня и почетно для тебя. Знай, что сейчас, при таких напастях судьбы, все будет мне приятно. Будь здоров, отрекомендуй меня, честному Альду и передай от меня привет критянам Иоанну и Николаю¹⁹ и всем друзьям.

Весь твой Михаил Триволис.

Из Флоренции 29 апреля.

6. Письмо Сципиону Картеромаху от 24 апреля 1504 г.

Знатоку обоих языков, господину другу, в Венеции, в типографии господина Альда Мануция римлянина.

Петр Кандида показал мне три дня тому назад твое письмо, в котором ты упоминаешь обо мне с большой любовью и поистине дружески. Если друзья познаются в превратностях судьбы, и такие друзья — первые из испытанных друзей, ты один, поистине, можешь быть назван вполне испытанным другом, оказавшим мне больше всего услуг. Хотя тебя не звали, не просили, ты, побуждаемый одной лишь прекрасной и поистине благородной твоей природой, так заботишься о моих делах, как немногие отцы (стали

¹⁶ *Pedacii Dioscoridis De materia medica libri sex.*

¹⁷ Пауло де Канальо, знатный венецианец.

¹⁸ Петр Кандида, монах религиозного ордена, основанного в Камалдоли близ Флоренции в 1012 г.

¹⁹ Иоанн Григоропул и Николай Власт.

бы заботиться). Пусть за такое человеколюбие вознаградит тебя божественное провидение — причина всех благ. Насчет того, что ты написал обо мне, я не пишу тебе больше ничего, кроме того, что я недавно высказал тебе в письме по тому же поводу, а именно, чтобы ты распорядился моими делами, как тебе покажется нужным и как тебе будет угодно. Итак, сейчас должно тебе распорядиться моими делами и так использовать меня, как тебе кажется нужным. Будь здоров, любимейший из всех моих друзей. Я вполне разделяю радость просвещенного Марка²⁰ по поводу знаков уважения, которые он получил, и горячо его поздравляю. Пусть (уважение к нему) возрастает со дня на день, и я молю бога, причину всего благого, сделать так, чтобы (Марка) ценили еще выше.

Приветствуй его от моего имени, а также доброго Альда, нашего общего благодетеля, и крестян Иоанна и Николая²¹. Будьте вы все здоровы, любимые мои и справедливые.

Из Флоренции. 29 апреля.

Михаил Триволис.

II

СОЧИНЕНИЕ МАКСИМА ГРЕКА „ПОХВАЛА АДАМУ ПЕРВОЗДАННОМУ“

Публикуемое ниже неизданное сочинение Максима Грека «Похвала Адаму пръвозданному» известно нам по одному списку, входящему в сборник № 264 Румянцевского собрания в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Сборник № 264 представляет собой рукопись, написанную в четвертую долю листа несколькими почерками. Преобладает полууставное письмо, переходящее в скоропись и по особенностям правописания и начертаний характерное для середины XVI в. Часто встречающаяся филигрань — маленькая рука в рукавчике с фестонами и короной над пальцами (например, лл. 4—5 и др.) — соответствует знаку № 1714 по Н. П. Лихачеву и относится к 1546 г.

На полях рукописи многочисленные поправки. Сохранность хорошая.

Рукопись описана А. Востоковым в его «Описании» Румянцевского собрания (стр. 366—374)¹.

Она представляет собой сборник сочинений Максима Грека — едва ли не самое полное из известных нам собраний сочинений этого выдающегося религиозного публициста. Рукописью № 264 пользовался В. Ф. Ржига, опубликовавший из нее «Послание царю Ивану IV» и отрывок «Об Александре Македонском»².

А. Востоков, известный не только как вдумчивый и тонкий палеограф и археограф, но и как весьма осторожный в своих выводах исследователь, не сомневался в принадлежности сочинений, входящих в сборник № 264, Максиму Греку. Он сделал исключение только для трех замыкающих сборник статей, автором которых он не считал Максима Грека³.

²⁰ Марк Музурус, в это время преподаватель греческого языка в Падуе.

²¹ Иоанн Григоропул и Николай Власт.

¹ А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842

² В. Ф. Ржига. «Максим Грек как публицист». Приложения. См. Труды Отдела древнерусской литературы, Л., 1934, т. I.

³ «Описание...», стр. 374.

А. Востокову следовал Е. Голубинский. В заметке, относящейся к сборнику № 264, Е. Голубинский называет и публикуемое ниже сочинение «Похвала Адаму первозданному», не высказывая сомнений в его принадлежности Максиму Греку⁴.

«Похвала Адаму первозданному» находится в начале нашего сборника и следует за сочинением «Поучение к иноком о исправлении иночьскаго жития». Принадлежность «Похвалы...» Максиму Греку сверх сказанного выше подтверждается сравнительным изучением этого сочинения: в ряде других сочинений Максима Грека встречаются мысли, выражения, ассоциации, образы, созвучные «Похвале Адаму первозданному». Отметим в первую очередь близость «Похвалы...» сочинению «Инока Максима, беседа души и уму».

В «Похвале...» человеческому уму и знанию, как внушенному дьяволом, противопоставлено «откровенное» знание, как дарованное человеку богом. Об Адаме говорится: «...сый есть пръвый богоподобный образ и богоукрашенаа доброта...» (л. 46). «Беседа души и уму» противопоставляет «первую доброту» — «змиину губителну прельщению».

Сопоставление нижеследующих отрывков покажет сходство мыслей и стиля у Максима Грека и автора «Похвалы Адаму первозданному»:

Максим Грек

«Беседа души и уму»

«Понеже изгубихом без ума первую доброту, повинувшеся змиину губителну прельщению. Оттоле умрохом умною смертию, ею же запретил есть господь нам заповедь его преступившим, безстрастной жизни и божественному вдохновению абие далече от нас отлучившимся. Оттоле непримирительный враг роду нашему, взял нас под своею рукою, всякой злобе и беззаконию научил есть, тшася, богоборный, отставити нас совершенно от веры и любве, яже и содетелю. Тем же и в безчисленное множество лжеименитых богов разделил есть, всескверный, едино несозданно и безначальное божество...»⁵

Автор

«Похвалы Адаму первозданному»

«Сего (Адама. — А. К.) суть вся обретения и учения. Сый есть пръвый богоподобный образ и богоукрашенаа доброта... дондеже богопротивный и отступник и престлестник диявол его не отвалил твердости его и стояния и поревал его в стремнинах и пропастьех и мрачных местех. Оттуда почят естество чельовческо развращатися и охужати... Отселе лъживая мудрость начало прият, божественей отбегши и на небесех възлетевши, отнюду же бе преж пришедши. Оттоле льстивый божеству наречение присвоив себе на многы разделил Кроны же и Зины и Посидоны преименуя себе и еже есть всех богомръзчае на имена женская и скверна преблажено и неизреченно божественно естество...»⁶.

Автор «Похвалы...» противопоставляет мудрости Орфея, Гесиода, Фалеса, Пифагора, Сократа, Парменида, Протагора, Зенона и стоиков, ареопагитских, философов и эпикурейцев — свет христовой истины, говоря, что «от сего света яже по бозе премудрость паки въсала и языки рыба-рей утвердил и премудрым учителях немудрых съдела» (л. 47). Подобно

⁴ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, вторая половина. М., 1917, стр. 244.

⁵ Максим Грек. Сочинения, ч. II. Казань, 1860, стр. 58.

⁶ Рук. № 264, л. 46—46 об.

этому, Максим Грек в «Послании к некоему, желающему отречься мира» противопоставляет «пифагорским», «платонским», «аристотельским премудростям» те же самые «рыбарския и мытарския премудрости»⁷.

Автор «Похвалы...» пишет об астрологии как «лживом и многоболезненном» *халдейском* изобретении.

Максим Грек пишет об астрологии, всякий раз называя ее халдейской. (Например: «Отметно ли есть убо звездноучительное таинство аки умышление суще безбожных мысли халдейския?»)⁸.

Автор «Похвалы...» упоминает: «И фракияном таинственныя службы». Фракийские службы знает и Максим Грек. Он разъясняет слова Григория Богослова: «Сущее: ни фракийстии уставы сия. Толкование. Коя ли сия? Сиречь таинства воплощения божия слово, яже суть рождество его и крещение и прочия»⁹.

«Похвала Адаму первозданному» в своих мыслях, конкретных реалиях и стиле совпадает с принадлежащими Максиму Греку сочинениями и, таким образом, с полным правом занимает место в рукописном сборнике сочинений Максима Грека середины XVI в., т. е. в сборнике, современном московскому периоду жизни Максима Грека.

Основная идея этого сочинения примыкает к той средневековой концепции о соотношении знания и религии, которую Максим Грек с предельной ясностью изложил в «Слове обличительном отчасти латынского влословия...», назвав науку рабыней евангелия: «Но да нещуете мене сего ради укоряти внешнее наказание, полезно сущее, и мало не всеми свидетельствуемо возсиявшими во благочестии. Не тако аз не благодарен ученик его... зане лепо им (следующим разуму. — А. К.) благочестие приходит е и умне причащаются, избирающим споспешствующая ко утверждению христианския веры, и еже божественный Павел глаголет, пленяюще всякого разума во Христа и везде понужати е, и аки рабыню евангелия истины водити, и нещевати е»¹⁰.

Похвала Адаму пръвъзданному.

- л. 45 Адам пръвый человек божиею рукою създан и по образу и подобию съдетелеву образован и почтен райским вселением. Съй в правде убо пръвый наречется премудр, акы быв пръвъзданная доброта и образ богописан, акы быв преполон всячьскими богатми и вся чювьствия души же и тела чиста и непретворна имев. Светлости бо некия яко же рещи от души его блистащеса по всему естеству течаху, иже не от человек искусен бысть разсуды многажды не тверды творящих, но от самого бога и съдетеля всех творящаго пряме всякий разум и суд.

⁷ Максим Грек. Сочинения, ч. II, стр. 229—230.

⁸ Там же, стр. 75.

⁹ Максим Грек. Сочинения, ч. III, стр. 42 («Подлинныя слова св. Григория: „Не фракийския это таинства“. Толкование. Какие разумеются здесь таинства? Таинство воплощения бога слова, т. е. рождество его и крещение и прочее“. Максим Грек. Сочинения. Русский перевод, ч. III. Изд. Троице-Сергиевой лавры, 1911, стр. 27).

¹⁰ Максим Грек. Сочинения, ч. I, стр. 462. Русский перевод этого отрывка: «Но не подумайте, что я по этой причине осуждаю внешнее учение, которое полезно и почти всеми присыявшими в богочестии одобряется. Я не такой неблагоприятный ученик этого учения... Ибо следовало бы им (следующим разуму. — А. К.) благочестно проходить это учение и усваивать умом только то, что содействует к утверждению христианской веры и, как говорит божественный Павел, пленять всякий разум в послушание Христу, и во всем понуждать науку последовать евангельской истине, считая ее рабыней этой истины» (Максим Грек. Сочинения. Русский перевод, ч. II, 1910, стр. 279).

л. 45 об. И якоже глаголет святое писание: и сътвори бог вся скоты и звери, и гади, и птица, и приведе я к Адаму да увестъ что наречетъся. И якоже нареклъ есть Адам, сие имя коемуждо есть. Что гласа оного и свидетелства явственее! Что премудрости и разсуждения сего высочайше! Нарече имена естество самое и състав единого кождо животнаго. Акы уставляя, не прежде поучився, ни предумыслив, ничтоже предпострадав, елика случатся человеком. И премногим родом минувшим невъзможне никто же пременити имени худаго животнаго, ниже оного получитьи велеумниа и разсуждения, паче же пребываютъ вси человеци, иже по всей земли разсеаниа оного узаконениа непременно дрѣжащесе и ниже(?) сих сталъ превелий сан прѣвѣзданного человека, но и семен и садов различия, коренеи же и былии силы, и елика на пособие и исцеление естество коемуждо животну дарова и разсудил и изъяснил. Съи жену прѣвѣый узрев, не якоже из устъ человеческихъ о ней вѣщал, но акы от некоего божественаго просвѣщения движим*, благополучно изрече оно многопетое слово рек: сия кость от костей моихъ и плоть от плоти моя, сия наречетъся жена, яко от мужа ея взята бысть. Съи убо есть искусивый вся и единому кождо и всемъ правила и меры и уставы непрерыва

л. 46 комы у||строив.

Сего суть обретеніе и хитрости и писмена. Сего художества словесна и житейска. Сего пророчества и священодѣйствіа и очищенія и законы писаны и неписаны**. Сеть суть вся обретенія и ученія. Съи есть прѣвѣый богоподобный образъ и богоукрашеная доброта отъ него же правятся всякыя человеческыя хитрости. Аще и къ худшему паче и паче препадають, оного блаженнаго и боговиднаго образа суть замышленія незазорна и непорочна пребывша, дондеже богопротивный и отступникъ и прелестникъ дияволъ его не отвалилъ твердости его и стояния и поревалъ его въ стремнинахъ и пропастяхъ и мрачныхъ местехъ. Оттуда почятъ естество чельовческо развращатися и оужати и прелагатися на худшей образоватися мучителя прельщеніи же и образованіи. Отселе лѣживая мудрость начало пріят, божественей отбегши и на небесехъ възлетевши, отнюду же бе прѣжъ пришедши.

Оттоле лѣстивый божеству нареченіе присвоивъ себе на многы разделилъ Кроны же и Зины и Посидоны преименуя себе и еже есвсехъ богомрѣчае на имена женская и скверна преблагено и неизреченно божественно естество и извлекъ богопротивный нареахъ оныхъ и Афродитахъ и Афинахъ || и на иныхъ бесчисленныхъ и неподобныхъ образехъ безсловесныхъ животнехъ, ихъ же злобы обретателъ и отступленіемъ недуговавъ и умыслилъ и въобразилъ. Отсуду египтяномъ яже о Осиріи и Тифоне и Исиди богомрѣзкая повѣствованія и персяномъ влѣхваннаа прелѣщенія и въ рахмянномъ наго обученія и невременная мечтанія и удивляемое скифское реченіе, и фракияномъ таинственныя службы и фригискыя сурны и кориванти. Отсуду халдеиская астрология лѣжива и многоболезнена. Отсуду родительница лѣжливороцовъ мудрость, еллинскихъ блядъ честное баснословіе. Отсуду Орфей и Омиръ и нечестивыхъ родовъ повѣститель Иснодъ. Отсуду Фалитова мудрость и славный Пифагора и премудрый Сократъ и Платонъ, академии афинейскыи многословутное честнословіе. Отсуду Пармениды и Протагоры и Зиноны. Отсуду Стоа и Ареипагъ и Епикурии. Отсуду трагодійскыи плачеве и рыданія и комиковъ игра-

* „учаем“ — на поляхъ слева.

** „и неписаны“ — на поляхъ сверху.

ния и кошуны. Отсуду льстивы Алоксиа лъжеглаголиваго ответы и прочее еллинских мудрословий блядословие и странословие. И да
 л. 47 не надльго прострю слово в гнилых и смръдящих баснех упразняяся, вся к себе тварь льстивый обратив и взем под руку человека акы худаго раба и преходя поднебесную и обходя землю и акы яица всяческа держа, якоже сам хваляся глаголеть, мняше подобати свой престоль положити выше облак небесных и быти подобен вышнему. Но единородный сын и слово божие предвечное ущедрив человека, акы прелщена змиєю, от нядръ отчих неотлучно съшед и въплоться от духа свята и пресвятыя и приснодевы Марии и честным крестом своим и страстию низложив супротивника и съшед в долнейшая части земныя оттуде извель падшаго пръвзданнаго, отдав образу прежнюю доброту и естеству древный сан и тако изчезе вся мучителява могутьства и споспешници его благочестиа свету въсиавшу в всю вселеную светлейше слънечных блистаний. От сего света яже по бозе премудрость пакы въсиала и языки рыбарей утвердил и премудрым учителей немудрых съдела. Отсуду громов сын еже вначале бе слово от небесных облак облистав възгреме и всю вселеную просветил. От сего света Павел просвещен, до третиаго небесе
 л. 47 възхищенъ бысть и зрит незримая и неизреченная || слышит словеса
 об. и обтекаеть всю землю, яко же орел въздушный благовестууйт нас. Отсюду Петр Христа сына бога живаго именова и ключи царствия небеснаго верились ему, да отверзает убо верным, а затворяет неверным въход божественных небесных дворов. Отсюду множества мучеников низлагающих идолы и текут готовы к смерти акы к венцом, раны своя и крови акы багряницу носяще добропобедники. Есть убо пръвзданный начальник сея благодати по моему уставу и слову, яко же река и источник и море и корень и ветвь и всего сый чловецьскаго естества начяток и пръвъизбранный принос, яко от Адама до потопа, лета 2242 от потопа до столпотворения лета 525, от столпотворения же до Авраама лета 425, от Авраама же до исхода сынов израилев лета от Египта 430, от исхода же до създания храма Соломоньтцкаго лета 757, от създания же храма до пленения Израиля лета 425 вкупе лета 4880*. От пленения же до Александра царя лета 318, от Александра же до Господа нашего Иисуса Христа лета 303 вкупе вся 5500*. От Христа же до Константина Великаго лета 318.

III

СОЧИНЕНИЕ МАКСИМА ГРЕКА О ПЛАТОНЕ

Публикуемое сочинение Максима Грека о Платоне содержится в том же рукописном сборнике № 264 Румянцевского собрания Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, что и «Похвала Адаму первозданному», и упоминается в «Описании» Востокова на стр. 371. Безотносительно к характеристикам, содержащимся в сочинении Максима Грека о Платоне, самый факт появления такого сочинения вводил новый материал в круг проблем, волновавших в то время представителей русской общественной мысли. Думается, что этюд о Платоне — не случайное явление среди русских сочинений Максима Грека. Традиции античной философии занимают в публицистике Максима Грека столь значительное место, что обращение к ним Максима Грека может быть понято не иначе, как ответ нашего

* Сумма неверна. Возможно, ошибка писца.

публициста на вопросы, занимавшие в то время наиболее пытливые умы русского общества. До сих пор нам были известны высказывания Максима Грека, в общей форме предупреждавшие об опасности обращения к античной философии. В одних случаях Максим Грек рассматривал сочинения античных мыслителей как дьявольское наваждение, в других ссылался на свой западный опыт, рассматривая рост атеизма в Италии и Франции как прямое последствие изучения древней философии. Обычно Максим Грек подводит под свои характеристики античной философии и Платона, однако наряду с этим у него может быть отмечена и тенденция как-то отделить Платона от «дурного общества» античных философов, как, например, он это делает в послании к Федору Ивановичу Карпову.

Сочинение о Платоне стоит особняком в творчестве Максима Грека. Это не сделанное походя высказывание. Это сочинение, специально посвященное философскому сюжету. Оно тем более ценно, что позволяет установить действительное отношение Максима Грека к философии, установить, что именно принимает он в философии. Это сочинение может быть (и должно быть) предметом особого исследования, но и теперь уже следует сделать несколько замечаний в предварение публикуемого памятника. Отметим прежде всего, что содержание сочинения Максима Грека о Платоне позволяет предполагать непосредственное знакомство его с произведениями Платона. Конечно, Платона читали и знали византийские богословы, но знакомство Максима Грека — Михаила Триволиса — с Платоном нам представляется более естественным связывать с недолгой порой гуманистических впечатлений, почерпнутых нашим публицистом в Италии.

Однако тем контрастнее противопоставляются по своему идеологическому смыслу светский и религиозный периоды жизни нашего автора, тем контрастнее Максим Грек противостоит Михаилу Триволису.

Какого Платона проповедовал в России «апостол западной цивилизации», как именует Максима Грека И. Денисов?

В своем сочинении Максим Грек знает Платона, автора «Законов», «Горгия», «Федона». Он знает Платона периода его философского упадка и падения, когда в своих «Законах» знаменитый философ обосновывал террористическую расправу с носителями социального протеста и свободной мысли, а государству придавал теократический характер, когда религиозные догмы имели силу закона, а законом усваивалась непогрешимость религиозных догм. Максим Грек знает Платона, автора «Горгия» и «Федона», т. е. произведений, проникнутых идеей ухода из мира, аскетического отвержения мира и плоти как темницы души. Не этого Платона брали на свое идейное вооружение итальянские гуманисты. Для них Платон был прежде всего автором «Федра», «Пира», «Тимея», автором учения об Эросе, о той цепи чередующихся чувственно-духовных звеньев, которая связывала мир духовного и чувственного, «божественного» и человеческого. Этого Платона «апостол западной цивилизации» оставил (увы!) в Италии. Но и Платон «Законов», «Горгия» и «Федона» обеднен Максимом Греком, тенденциозно сведен к тому ряду идей, которые укладывались в русло ортодоксального христианского мировоззрения. Когда ранние христианские богословы (например, Юстин Философ в «Апологии первой»), заимствуя у Платона идею нравственной свободы, оправдывались тем, что сам Платон якобы воспользовался идеями Моисея, — это понятно. Имя Моисея служило паролем, без которого идея нравственной свободы не могла быть допущена в христианство. Но когда Максим Грек представляет этические идеи «Горгия» как «украденные от божественных писаний», то в этом случае не Моисей обрабатывался под Платона, а Платон обрабатывался под Моисея.

Характеристика Платона, которую ему дает в своем сочинении Максим Грек (отбор произведений Платона, а в избранных произведениях отбор идей) отнюдь не означает, что Максим Грек не понял Платона. Все дело как раз в том и состоит, Максим Грек понял Платона и остался верен себе, пересказав его согласно своему правилу: «понуждать науку последовать евангельской истине, считая ее рабынею этой истины».

л. 135 Платон философ глаголаше: благ убо въистину бог и всех благых виновен, а злых всех невиновен. Тъй же философ в «Законе» являет нам съдетеля всех, правяща вся вкупе глаголетъ, бог убо начало и конец и средня, всех праве съврѣшает по естеству обходит суд, преступающих божественаго закона мѣститель. Его же дрѣжася, хотяй благочѣствовать, вслед его ходит смирен и кротостию украшен. Аще ж некто от величания превознесъся или о богатстве уповает или чѣстных санех и телесных добротах, вкупе юностию и безумием гаряеть с досадою, акы ни наставника требуя, ни учителя, но мнит доволен ес и иных наставляти, — оставляться пуст от бога. Оставлен же быв и иных еще сицевых съприем, беснует и метет вся вкупе. И многым неким явися быти велик некий, по времени же пострадав божим судом падение нехудо себе ж и дом свой и град вкупе погубил.

Толк: Сими философ и владеюща над всеми показа бога и еже на неких длбоготрѣпение и яже оттуду случающуся безумником погыбель и еже в поле же прибывающее им всегубительство. Тъи же философ л. 135 об. в книзе своей зовоме «Горгия» виновнаа мукам являет, глаголя сице: лепо же есть всякому в муце сушу от иного правдою мучиму или самому лучшу быти и суще в нечесом плъзоватися или образу иным бывати да и оны зряще стражуща елика терпит, боящеся, лучши будут. Сут же пользу приемлющей убо и муки от бога и человек трѣпящеви, елици убо целима съгрешения съгрешают, обаче же болезньми и скорбьми бывает им плъза и зде и в аде: ни бо ес инако мочно неправды отступити. А елици же велиа съгрешения съгрешают и ради сицевых съгрешений неисцелни отнюд бывають от сих указы и образы бывають и сии убо плъзу ни едину не принимают акы неисцелны суще. Ины же плъзу принимают иже зрят их яко великих ради неправдований болезнейши и грѣчайши болезни стражут.

Толк: Сия видится украв от божественных писаней, Моисеом от бога к фараону речена быша на том: в том въздвигнух тя да яко л. 136 покажу тобою силу мою, да яко възвестится имя || мое по всей земли; лукавейшему бо бывшу ему всяческия казни нанесе ему бог, не яко да явит его лучша, ведоша бо и ума его жестока и страсть его неисцелну, но якоже о нем повести всем да будут образы исправления и плъзы, яко же и градове кормят полачолв (?) не зане хвалят произволение их, но подемлюще служения их потребы для.

Тъй же философ в книзе своей глаголемей «Федон» о еже по смерти конечном строении грешным душам и праведным. Скверный убо и нечистый в аде отшед, в тине сквернаве въвержен будет, а очищенный съвершено божим законом тамо прошед с богом вселится и паки прошедшаго бо житие сие праведне и преподобне по его представлении верити лепо есть яко в островах блаженных вселится в всяком покоем и прохладе вне всякыя скрѣби и печали. А иже безбожне и неправедне поживе въвержен будет в юзилище осуждения, л. 136 об. еже Тартар именуют. Сия от египтян учился. Тъй же глаголет яко душа свободна есть и владычица страстем и еже одолети собою себе всех одолений прѣва победа и нарочита, а еже одолеваему бывати себе собою (на поле слева: «от себе». — А. К.), студнейше и злейше.